

Цин Цзю, конечно, не был из тех, кто пасует перед первой же неудачами. Что в прошлом, что сейчас — к охоте за женскими сердцами он неизменно подходил с пылким энтузиазмом.

— Ну и пусть вдовствующая императрица, она ведь такая молодая и красивая, меня от неё вовсе не воротит. Почему бы не продолжить добиваться её? А если и не добиваться, то хотя бы просто посмотреть — разве нельзя? Глядишь, в один прекрасный день и впрямь представится удобный случай!

Он отваживался на столь безумные поступки и рвался вперёд отнюдь не без причины. Настоящая причина крылась в другом: в тот день мелодия, которую исполняла вдовствующая императрица, была донельзя печальной. Настолько печальной, что ему казалось: ей просто необходим кто-то вроде него, понимающий и чуткий, кто сумел бы развеять её сердечную тоску.

И вот, едва убедившись, что инцидент не имел никаких дурных последствий, а Цзинь Сы не оказалось поблизости, Цин Цзю вновь проскользнул во Дворец Баоцы.

На сей раз вдовствующая императрица снова играла на цине. Мелодия звучала иначе, но в ней неизменно таилась та же глубокая, бездонная скорбь — до того пронзительная, что он едва сдержался, чтобы тут же не броситься к ней, не заключить в объятия и не сказать, что готов разделить с ней любую беду.

— Почему ты снова здесь? Кто ты такой в конце концов? И как тебе удастся всё время находиться во дворце?

Вопросы посыпались на него градом, не давая опомниться.

— Неважно, кто я, и неважно, почему я здесь. Я пришел лишь потому, что захотел прийти, вот и явился.

Цин Цзю излил целую тираду сладкоречивой чепухи.

Пусть пустой болтовни, но весьма действенной.

При всей своей наглости и страсти к волокитству, Цин Цзю всё же не был безумцем, способным раскрыть своё истинное лицо — на случай непредвиденных обстоятельств требовалось оставить себе пути к отступлению.

То ли во дворце ей было невыносимо скучно, то ли высокое положение вечно держало её на недосягаемой высоте, лишая возможности хоть с кем-то поговорить так просто и непринужденно, как с Цин Цзю, но вдовствующая императрица, к удивлению, не стала звать стражу, чтобы прогнать наглеца. Вместо этого она тихо спросила:

— В тот раз... что за стихи ты читал?

— Стихи? Какие стихи?

Погруженный в созерцание её красоты, Цин Цзю совершенно упустил из виду то, о чём она говорила, выхватив из речи лишь пару слов.

— Ну то самое единственное стихотворение, что ты декламировал в прошлый раз!

— А, та самая песня! Вот послушайте: Красавица шторы из жемчуга тулит, в покоях сидит и брови хмурит. Лишь видно — слезами омыты ресницы, о ком её сердце тоскует, кому оно снится? Сяо Цинцзы услышал, как печальна мелодия вашей цины, и только поэтому прочёл эти стихи.

— Лишь видно — слезами омыты ресницы, о ком её сердце тоскует... О ком... сердце... тоскует?

Вдовствующая императрица несколько раз повторила строки про себя, тихонько вздохнула и улыбнулась:

— Прекрасные стихи. Должно быть, поэтический талант молодого господина Цина — первый во всей Сифэн?

— Нет... вовсе нет...

Вот чёрт. Польщённый похвалой красавицы, Цин Цзю едва не сболтнул, что автором был Ли Бо, но тут же испугался, что это испортит его безупречный образ в её глазах. К тому же в Династии Тайпин имени Ли Бо наверняка никто и не слышал, так что ему пришлось промолчать.

Правда, на душе от этого сделалось как-то беспокойно.

Считается ли это плагиатом? Не выпрыгнет ли Ли Бо из могилы, чтобы начистить ему физиономию?!

— Ваше Величество, звуки вашей цины так прекрасны! Не будет ли у меня чести послушать их вновь?

Опасаясь, как бы вдовствующая императрица не вздумала сойтись с ним на почве изящной словесности и прочей подобной чепухи, Цин Цзю торопливо сменил тему.

В конце концов, разве не любили древние заниматься подобными глупостями?

К тому же он подумал: если удастся еще раз послушать её печальную мелодию, быть может, под её влиянием она станет ближе к нему? Разве женщины не наиболее склонны принимать чуткую заботу именно в минуты величайшей слабости?

Вдовствующая императрица тоже опасалась говорить с этим молодым господином слишком долго. Если она умолкнет, прислужники за дверью решат, что она закончила играть, и войдут внутрь, а застать там Цин Цзю было бы весьма некстати. Хотя она и знала, что этот прохвост наверняка соврал слугам снаружи, будто он евнух, но если в будущем его истинное лицо откроется и все узнают, что он неоднократно пробирался в её личные покои, да еще вдобавок в абсолютной тишине — боги ведают, что станут болтать о том, чем они тут занимались.

Поэтому она послушно зазвенела струнами.

Вскоре вдовствующая императрица и впрямь погрузилась в бездонную пучину тоскливой мелодии, а её изящные брови слегка сошлись на переносице.

Такая несравненная красавица... Наконец-то я воочию понял, что означают слова: «Два полукружья бровей — словно дымкой окутанная хмарь, а взор живых глаз — полурадость, полупечаль. На щеках проступает невинная грусть, хрупким недугом объят этот путь. В тишине словно лотос у чистой воды, на ходу — как от ветра качнулись цветы. Умом превзойдет даже Биганя муки, а в хвори превзойдет саму Си Ши в разлуке».

Бормоча себе под нос эти строки, Цин Цзю помимо воли подался вперед и украдкой протянул руку, легко коснувшись межбровья вдовствующей императрицы, словно желая разгладить морщинку её печали.

Та была целиком поглощена игрой и никак не ожидала, даже помыслить не могла, что этот Цин Цзю осмелится распускать руки. К тому моменту, как она пришла в себя, пальцы юноши уже легли ей на лоб.

В одно мгновение музыка оборвалась на полуслове. Оба замерли, глядя друг на друга во все глаза. Прошло немало времени, прежде чем кто-то из них смог вымолвить хоть слово, а Цин Цзю и вовсе забыл убрать руку с её лица.

По правде говоря, Цин Цзю совершенно не планировал заходить так далеко и касаться женщины древности столь стремительно. Он знал, что здешние нравы довольно консервативны, и излишняя дерзость могла лишь вызвать у неё отвращение.

Но в тот миг бесконечная, струящаяся подобно весенней воде тоска вдовствующей императрицы так сильно задела его за живое, что рука сама собой потянулась вперед. И теперь, осознав содеянное, он сам остолбенел от изумления.

Но самое удивительное ждало впереди.

Не успели застывшие друг напротив друга в тишине покоев люди опомниться, как от входа донесся легкий кашель. Он так испугал обоих, что они стремительно приняли благопристойный вид и уставились на непрошеного гостя.

Всего в десятке шагов от них стоял владыка Династии Тайпин, сам наш государь император — Ли Юньфэн. И сейчас его взгляд, устремленный на Цин Цзю, был до крайности острым и ледяным, заставив юношу невольно задрожать всем телом.

Ох... Конец! Влип по-крупному! Теперь его не спасет даже Цзинь Сы!

Свидетели небесные, он ведь ничегошеньки не сделал! У него были лишь дурные помыслы без злого умысла! Но в эту древнюю эпоху даже такое легкое прикосновение наверняка считается преступлением против целомудрия! О боги, спасите же его кто-нибудь!

Проклятье! Почему оба его визита во Дворец Баоцы неизменно заканчиваются тем, что его ловит этот самый Ли Юньфэн?

<http://bllate.org/book/22010/2288149>